

Управление академической мобильностью как инструментом «мягкой силы» в современном Китае

Захаров Михаил Юрьевич

Д-р филос. наук, зав. каф. философии
ORCID: 0000-0002-8796-6283, e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

Старовойтова Ирина Евгеньевна

Канд. филос. наук, доц. каф. философии
ORCID: 0000-0002-8527-1840, e-mail: iestar1@mail.ru

Шишкова Анастасия Викторовна

Канд. филос. наук, доц. каф. философии
ORCID: 0000-0002-0904-6705, e-mail: av_shishkova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению феномена академической мобильности в контексте интернационализации высшего образования в современном Китае. В фокусе внимания находятся такие проблемы, как специфика китайского подхода к интернационализации высшего образования и функционирование института академической мобильности в условиях трансформации международного образовательного пространства. Показано, что образ будущего образованного Китая опирается на традиционный проект общества «Великого Единения» (общество «Да тун» в конфуцианской концепции общественного идеала). При этом идея единого человечества не является исключительно китайской, а имеет глубинные исторические корни и универсальную природу. С осторожностью относясь к наднациональной экстраполяции данной идеи, современный Китай тем не менее расширяет международное сотрудничество и усиливает межнациональные контакты, используя в качестве одного из инструментов «мягкой силы» трансграничную академическую мобильность.

Ключевые слова

Академическая мобильность, «мягкая сила», интернационализация образования, реформа образования, Китай, общественный идеал

Для цитирования: Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В. Управление академической мобильностью как инструментом «мягкой силы» в современном Китае // Вестник университета. 2023. № 2. С. 166–173.

Managing academic mobility as a tool of «soft power» in contemporary China

Mikhail Y. Zakharov

Dr. Sci. (Philos.), Head at the Department of Philosophy
ORCID: 0000-0002-8796-6283, e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

Irina E. Starovoytova

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Department of Philosophy
ORCID: 0000-0002-8527-1840, e-mail: iestar1@mail.ru

Anastasiya V. Shishkova

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Department of Philosophy
ORCID: 0000-0002-0904-6705, e-mail: av_shishkova@guu.ru

The State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The paper deals with the phenomenon of academic mobility in the context of internationalization of higher education in modern China. It focuses on such problems as specificity of Chinese approach to internationalization of higher education and functioning of academic mobility in the context of transformation of international educational space. It is shown that the image of the future educated China is based on the traditional project of “Great Unity” society (Datong society in Confucian concept of social ideal). At the same time the idea of a united humanity is not exceptionally Chinese, but has deep historical roots and a universal nature. Cautious about the supranational extrapolation of this idea, modern China is nevertheless expanding international cooperation and strengthening cross-national contacts, using cross-border academic mobility as one of its “soft power” tools.

Keywords

Academic mobility, «soft power», internationalization of education, education reform, China, social ideal

For citation: Zakharov M.Y., Starovoytova I.E., Shishkova A.V. (2023) Managing academic mobility as a tool of «soft power» in contemporary China. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 166–173.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из стратегий государственной трансформации является обращение к историческому опыту в поисках такой концепции общественного идеала, которая могла бы быть востребована на текущем этапе исторического развития. Самой плодотворной и перспективной для реализации на китайской почве представляется конфуцианская концепция общественного идеала, хотя сам Конфуций, видимо, не очень верил в возможность ее полной практической реализации. Но история свидетельствует, что конфуцианский идеал, несомненно, является идеологемой и может в полной мере быть использован для управления общественным сознанием. В отличие от даосов, у конфуцианцев человек вышел из единения с природой, потенциально может превратиться в благородного мужа и жить в идеальном строго упорядоченном иерархическом обществе, в котором существует определенная имущественная уравнительность.

Будущее китайского государства – это общество Великого Единения («Да тун») как образ общественного идеала, представляющий собой итоговую фазу развития китайского общества, богатого и процветающего, в котором людям возвращается «Великое Дао» и Поднебесная становится единой полноценной семьей.

Надо отметить, что споры о статусе концепции «Да тун» продолжаются и по сей день: общественный ли это идеал, получивший свое последующее развитие в различных формах, или социальная утопия (иногда говорят об идентичности «Да тун» и коммунистической утопии) или научно-фантастический продукт, своеобразная синтетическая конструкция, использующая элементы научной методологии и имеющая потенциал влияния на социально-исторический процесс. Однако нам кажется, что в настоящее время наблюдается превращение традиционного проекта общества «Да тун» в национальный форсайт-проект [1].

Идею о поступательном движении человечества через стадию «Да тун» к состоянию Великого равенства, равновесия, благоденствия активно отстаивал лидер реформаторского движения в Китае на рубеже XIX–XX вв. Кан Ю-вэй и другие китайские идеологи [2]. Но сегодня Китай с осторожным оптимизмом относится к наднациональной экстраполяции данной идеи, так как считает, что эра глобализации может привести к утрате осознания собственной культуры и идентичности, что является опасным для любой нации [3].

При этом в Китайской Народной Республике (далее – КНР) провозглашен курс на расширение международного сотрудничества и межнациональных контактов с целью усиления влияния страны на уровне азиатского региона и на мировом уровне. КНР использует заимствованные на Западе методы усиления мощи государства, гармонично соединяя их с традиционной китайской дипломатией, основанной на стратагемном мышлении.

Родившаяся на Западе концепция «мягкой силы» означает применение различных культурных и политических ресурсов для экспансии идеалов и ценностей. Сила называется «мягкой», поскольку она исключает применение принуждения и жесткого давления. Количество союзников и приверженцев той или иной идеологии возрастает добровольно и непроизвольно.

Такая «мягкая сила» применяется в процессе интегрирования зарубежного высшего образования, который, в свою очередь, является следствием политики открытых дверей, экономических реформ и вызовов глобализации и мировой конкуренции, а также усилий, направленных на расширение масштабов высшего образования. При этом в концепции интернационализации в Китае происходят существенные изменения, которые заключаются в том, что на смену политике внедрения международных учебных программ высшего образования (результатом которой стала интервенция преподавателей из-за рубежа, некоторые студенты и международные стипендиаты получали образование за рубежом, а во время этого процесса академические модели из Европы, Азии и Тихоокеанского региона, а также из Америки значительно повлияли на китайское высшее образование), приходит политика защиты национального своеобразия образования и эскалации национальных образовательных моделей за рубежом.

ПРЕДМЕТ, ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект исследования – академическая мобильность в Китае

Предметом исследования являются особенности различных видов академической мобильности в Китае в контексте современных трендов интернационализации высшего образования.

Целью исследования является описание специфики процесса интернационализации китайского образования и использование академической мобильности как дипломатического инструмента для продвижения китайской культуры и формирования бренда китайского высшего образования на международном рынке образовательных услуг.

В ходе исследования были использованы такие теоретические методы социально-гуманитарных наук, как историко-философский, компаративный и герменевтический. Историко-философский метод позволил проследить процесс реформирования китайского образования, компаративный – сопоставить такие проблемные области, как общественный идеал, интернационализация образования и академическая мобильность, герменевтический – обратиться к изучению и интерпретации идей и концепций данного предметного поля в социально-политическом и культурном контексте. Помимо этого, был применен логико-гносеологический анализ для ввода и трактовки необходимых для исследования понятий, среди которых «общественный идеал», «единение», «академическая мобильность», «интернационализация образования».

РЕФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

С самого возникновения КНР (1949 г.) власти придавали образованию огромное значение. На первом этапе реформ ставилась цель – преодолеть неграмотность населения, для чего была создана централизованно управляемая сеть учебных заведений, росло число педагогических вузов. В 1958 г. после взятия курса на стремительный рост экономики («Большой скачок») и проведение «Культурной революции» централизованная система образования была ликвидирована. Уменьшилось число учащихся, упростились и сократились программы обучения, половина времени обучения отводилась на труд, качество обучения также деградировало. Кроме того, образование было идеологизировано. В 80-е гг. был взят курс на развитие высшего образования, однако оно было элитарным, недоступным для жителей китайских провинций и сел ни в силу географических, ни в силу материальных причин. Обучение в вузах стало платным. Расширилась автономия Высших учебных заведений: они самостоятельно стали утверждать учебные планы и образовательные программы. Распространилась европейская система зачетных единиц. С 1978 г. стал проводиться Единый государственный экзамен, выросла вариативность форм обучения: организованы вечерние и заочные отделения, а также экстернат. С конца 80-х гг. реформы высшего образования двигались в направлении интеграции обучения, науки и производства, а также повышения качества образования. Государство выделяло на образование большие суммы. Была воссоздана централизованная система управления образованием при сохранении значительных полномочий у самих вузов.

Помимо государственных вузов и вузов провинциального подчинения появились образовательные учреждения, создаваемые и финансируемые не из бюджетных источников, привлекалась спонсорская помощь зарубежных соотечественников и западных доноров.

В законе о высшем образовании 1999 г. заявлено, что целью создания вуза должно быть служение государственным и общественным интересам, а не извлечение прибыли. Хотя вузам разрешено осуществлять коммерческую деятельность, акцент делается на развитии вузовской науки, развитии высоких технологий университетскими профессорами и студентами. Государство поощряет интерес китайской молодежи к получению высшего образования.

Реформирование образовательной системы в начале XXI в. опиралось на опыт просветительских реформ других стран и переосмысление передовых педагогических идей. Обновилось и содержание образования, и методы, и формы обучения. Во-первых, система образования сменила прагматический (цель образования – получение профессии) и идеологический ориентир (цель образования – учиться социализму) на гуманитарный (цель – развитие личности). Во-вторых, положение высшего образования в обществе стало приоритетным, а развитие страны с помощью науки и образования – национальной стратегией, которую приняло все население. В-третьих, было принято во внимание, что высшая школа выполняет не только преподавательские задачи, но и является важным научно-исследовательским сообществом. Организации высшего образования могут (и должны) являться как источниками технологических инноваций, так и носителями культурной повестки. В связи с этим одной из важнейших функций высшего образования стало развитие и укрепление китайской национальной идентичности [4].

КИТАЙСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Политика интернационализации образования в Китае менялась в соответствии с общими трендами образовательных и политических реформ. Основной причиной активного участия китайских вузов в интернационализации является желание стать неотъемлемой частью мирового академического сообщества, достичь международных стандартов преподавания и исследований, а также создать конкурентоспособные

университеты мирового класса. До 1990-х гг. происходил серьезный отток ученых и студентов. Затем акцент сместился на интернационализацию учебных программ внутри Китая и привлечение иностранных обучающихся. Последнее рассматривается как форма дипломатических инвестиций для будущих политических и экономических отношений и потому играет важную роль в международной политике Китая [5, 6].

Необходимо отметить, что многие китайские исследователи, изучая процесс интернационализации китайского высшего образования, задаются вопросом, насколько китайский подход специфичен относительно мировой практики. Одно из классических определений интернационализации принадлежит Дж. Найту: «интернационализация на национальном, отраслевом и институциональном уровнях – это процесс интеграции международного, межкультурного или глобального измерения с целями, функциями и организацией предоставления образовательных услуг» [7, с. 2]. Это определение нейтрально, оно обозначает некие глобализационные намерения и действия, не проблематизируя их. В то же время другие исследователи отмечают, что интернационализация может иметь очень разные последствия на расколотой мировой арене с разрозненными ценностями, верованиями и обычаями, и ее влияние на высшее образование в целом может быть неоднозначным, особенно в странах, находящихся на разных уровнях научного и экономического развития [5]. Каким именно образом Китай присоединяется к всемирному процессу интернационализации, аналогичны ли его повестка и стратегии взглядам западных коллег, рассмотрим ниже.

Согласно исследованию 2021 г. китайский дискурс интернационализации высшего образования по сравнению с западным характеризуется различными целями, подходами и проблемами, обусловленными национальными интересами (государственная задача Китая – догнать Запад и стать равноправным игроком в международном сообществе высшего образования), структурой государственного управления и академического администрирования, этапом общественно-исторического развития. Интернационализация высшего образования в китайском контексте может быть определена как национально скоординированные, институционально интегрированные и комплексные усилия по: 1) импорту западных мировых стандартов в области преподавания, исследований, управления и развития образования посредством ознакомления студентов и сотрудников высшей школы с западной практикой; 2) экспорту китайского дискурса, голоса и культурного понимания в международном сообществе посредством обучения иностранных студентов в Китае и продвижения китайской культуры за рубежом [6].

В противоположность западным интегративным и мультикультурным концепциям интернационализации в китайском публичном дискурсе существует подход, описывающийся метафорой Jie Gui (буквально означает два параллельных железнодорожных пути). Это сложное и расплывчатое понятие, которое отражает специфическую двухвекторную стратегию интернационализации, которая позволила бы принять международные стандарты без существенного нарушения сложившейся академической практики, привести китайское образование в соответствие с западными нормами и практиками, но удержать его от полной ассимиляции [5]. Исследователи отмечают, что, с одной стороны, Jie Gui подчеркивает приверженность местным сильным сторонам и традициям, позволяя при этом внедрять сопутствующий набор ценностей и практик (хотя и параллельным образом), но, с другой стороны, этот подход является не менее идеалистичным, чем западное представление об интернационализации, поскольку возникают конфликты между академическими ценностями и практикой, основанной на местном, национальном и глобальном контекстах [8].

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК «МЯГКАЯ СИЛА»

Выделяют три основные концепции интернационализации высшего образования: либеральная, инструментальная и идеалистическая. Первая – образовательная – направлена на подготовку студентов к участию в жизни глобального мира. Вторая – конкурентная – рассматривает международное образование как средство для максимизации прибыли и обеспечения экономического роста. Третья – трансформационная – видит международное образование источником сил для социального преобразования действительности [9]. Анализируя процесс интернационализации в Китае, в соответствии с этими целями и сопоставляя его с политикой западных университетов, некоторые исследователи видят важное различие в том, что китайское правительство и университеты не стремятся к немедленной экономической выгоде, надеясь вместо этого на дипломатические успехи путем укрепления «мягкой силы». Чтобы создать привлекательный образ китайского высшего образования, Китай не зарабатывает деньги на международном образовании, а наоборот расходует их на стипендиальные выплаты, чтобы привлечь больше иностранных студентов [6].

Существует два основных способа применения политики «мягкой силы». Первый распространен на Западе, особенно в США. Американские университеты принимают на учебу будущих лидеров государств, которые по окончании курса обучения становятся проводниками неолиберальных идей, воспринятых в студенческие годы. Второй способ, а именно он превалирует в КНР, состоит в том, что университеты обучают массы людей из разных социальных слоев, и выпускники вузов проникаются симпатией к государству обучения, перенимают ценности, идеалы и когнитивные матрицы образования и науки страны обучения.

ИСХОДЯЩАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В КИТАЕ

Сущность исходящей академической мобильности состоит в том, что ученые, преподаватели и студенты выезжают на учебу или стажировку за рубеж и возвращаются назад.

В Китае академическая мобильность включена в государственные программы, государство обеспечивает выезжающих студентов стипендиями на обучение в иностранных университетах, им создаются комфортные организационные и финансовые условия для поддержания международной исходящей академической мобильности, чтобы не допустить «утечки мозгов».

Для решения проблемы невозвращения талантливых молодых людей китайские власти поддерживают «возвращенцев» финансово, способствуют карьере молодых ученых (до 40 лет), вернувшихся в Китай после окончания учебного заведения, финансируют их научные изыскания.

В Китае люди, имеющие диплом западного вуза или прошедшие там стажировку, более высоко ценятся как преподаватели и ученые. Они становятся сильными конкурентами для специалистов, не участвовавших в этом виде академической мобильности. Потенциальные конфликты, мешающие вернувшимся интегрироваться в традиционную китайскую образовательную среду, являются препятствием для возвращения в родную страну. Но правительство КНР финансирует научно-исследовательские проекты и удерживает таким образом в стране ученых с опытом западного образования, делает привлекательным продолжение карьеры на родине.

Кроме того, китайское правительство осознало важность сотрудничества и интеграции людей из разных частей Китая, особенно тех, кто долгое время находился под властью разных политических систем до процессов деколонизации в Гонконге и Макао. Надо отметить, что политические меры и политика, проводимые для продвижения сильной национальной принадлежности среди молодежи Гонконга и Макао, являются политическим ответом китайского правительства на растущее влияние глобализации и движений за независимость. Однако неэффективная координация политики между государственными ведомствами зачастую приводит к контрпродуктивным результатам и не способствует формированию «позитивной национальной идентичности» среди выпускников в Гонконге и Макао [10].

Китай – одна из десяти стран, из которых для обучения за рубежом отправляется в общей сложности 38 % всех мобильных студентов мира.

Каковы основные причины исходящей академической мобильности в Китае? Высшее образование в КНР стало малодоступным из-за несовершенства системы национальных экзаменов, трудно поступить и в магистратуру, проще поехать учиться за рубеж. Еще один стимул мобильности – люди с дипломом иностранного вуза имеют лучшие перспективы трудоустройства.

ВХОДЯЩАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В КИТАЕ

По статистическим данным 2016 г. в Китае насчитывается 730 вузов в 31 провинции, которые обеспечивают образование для иностранных студентов (разных уровней, в том числе на краткосрочных программах по изучению языка). А число иностранных студентов в китайских высших учебных заведениях увеличилось с 1236 человек в 1978 г. до 3 976 351 человек в 2015 г. из более чем 200 стран [11].

Китайское государство поддерживает не только китайских студентов и ученых, выезжающих с образовательными и научными целями за рубеж, но и иностранцев, обучающихся в Китае. Правительство регулярно повышает размер стипендии и увеличивает численность иностранных стипендиатов. Существует множество стипендиальных программ: стипендиальная программа «Великая китайская стена», стипендиальные программы для выдающихся студентов, для иностранных ученых, для преподавателей-китаистов и проч. Привлекают в Китай и отличными бытовыми условиями проживания, и сравнительно невысокими требованиями к образовательным результатам, и уменьшением учебной нагрузки. В результате такой политики количество мест для бесплатного обучения иностранных граждан в вузах КНР возрастает ежегодно в среднем на 1000 человек.

Китай экспортирует китайский язык, культуру и дискурс, стремясь внести свой вклад в международное образовательное сообщество. Однако недавнее исследование показало, что традиционная культура Китая не является основным фактором притяжения для иностранных студентов, и существует проблема ее оценки и принятия внешней аудиторией [6].

Понимая культурные различия и трудности в адаптации и интеграции иностранцев, китайские власти делают ставку на студентов из стран со схожим менталитетом или рассматривают в качестве источников входящей мобильности студентов и ученых из стран третьего мира.

ДИСКУССИЯ

Входящая и исходящая международная академическая мобильность студентов, аспирантов, преподавателей и ученых способствует формированию дружественных отношений между гражданами разных стран и взаимопониманию между народами. Впечатления о стране пребывания, полученные во время длительной учебы, ломают стереотипы, ликвидируют ксенофобию, укрепляют научное и экономическое сотрудничество. Если же образцы и стандарты поведения в академической среде навязываются обучающимся и стажерам, это вызывает нежелательную отрицательную реакцию [12].

«Мягкая сила» международной академической мобильности повышает привлекательность системы образования страны в целом, а также повышает профессиональную значимость индивида. Человек, учившийся за рубежом и преодолевший все тяготы культурной адаптации, приобретает множество полезных компетенций: он не только приобретает профессиональные знания и умения, но и получает достаточно необходимые в современном мире навыки работы в команде, коммуникабельность, обучаемость, открытость новым веяниям, адаптивность. Разумеется, академическая мобильность приводит к лучшему владению иностранными языками и цифровыми технологиями. Все вышеперечисленное делает такого работника очень востребованным на рынке труда [12].

Очевидным недостатком академической мобильности сегодня можно назвать западнцентричность образовательного пространства. Академическая мобильность как политический инструмент «мягкой силы» сегодня чаще является проводником неолиберального западного проекта. Одна из идей этого проекта – курс на маркетизацию, коммерциализацию и вестернизацию системы высшего профессионального образования.

Студенческие и преподавательские потоки также имеют западную направленность (лидерами по количеству иностранных студентов и зарубежных ученых сегодня являются: Великобритания, Франция, Германия, США). Следовательно, проект интернационализации образования и академической мобильности в значительной мере играет на руку странам Запада, увеличивая именно их «мягкую силу». А для Китая и других стран Азии мобильность оборачивается «утечкой мозгов».

В последнее время в противовес западнцентричному (англо-американскому) дискурсу академической мобильности развивается азиатский (евразийский) дискурс, являющийся проводником стратегий «мягкой силы» таких государств, как Сингапур, Китай, Южная Корея, Индия, Казахстан и др. [12].

Одной из значимых стратегических инициатив стало создание Университета Шанхайской организации сотрудничества (далее – УШОС). Цели, задачи, направления и принципы сотрудничества данной сетевой ассоциации университетов на пространстве Шанхайской Организации Сотрудничества были юридически закреплены в Хартии УШОС, принятой в 2011 г. Сетевой принцип УШОС позволяет вузам данной организации осуществлять академические обмены, реализовывать совместные образовательные программы для подготовки конкурентоспособных кадров по приоритетным направлениям гуманитарно-культурного, экономического и научно-образовательного сотрудничества. Этот образовательный проект может сформировать единое азиатское (евразийское) пространство высшего профессионального образования и стать впоследствии альтернативой европейской модели [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайская политика в сфере академической мобильности заслуживает самого пристального изучения, так как китайский проект экспансии идеалов и ценностей в форме «мягкой силы», сделавший Китай страной, привлекательной для получения образования, для научных исследований, для экономического сотрудничества и проч. КНР становится образцом для других государств, претендующих на высокий статус в динамично меняющемся многополярном мире.

Библиографический список

1. Захаров М.Ю. Общественный идеал «Да тун»: социальная утопия старого Китая, или современный форсайт-проект. *Вестник университета*. 2022;(1):164-168. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-164-168>.
2. Кобзев А.И. (2006). Кан Ю-вэй. Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. – М.: Восточная литература, 2006. – С. 275-279.
3. Каллахан, В. (2004). Следующая большая идея: великая гармония во внешней политике Китая. *Международный обзор*. Шанхай. 2004; № 36: 33-43 с. [Кит.яз.: Guoji wenti luntan, *International Review*, Shanghai. 2004; № 36: 33-43.]
4. Kang O. Higher Education Reform in China Today. *Policy Futures in Education*. 2004;2(1):141-149. <https://doi.org/10.2304/pfie.2004.2.1.4>
5. Yang R. *Third Delight: The Internationalization of Higher Education in China*. Routledge; 2002.
6. Liu W. The Chinese definition of internationalisation in higher education. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2021;43(2):230-245. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2020.1777500>
7. Knight, J. (2003). Updated Definition of Internationalization. *International Higher Education*, (33). <https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391>
8. Liu H, Metcalfe A.S. Internationalizing Chinese higher education: a glonacal analysis of local layers and conditions. *High Educ*. 2016;71(3):399-413. <https://doi.org/10.1007/s10734-015-9912-8>
9. Jonas Stier (2004) Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism, *Globalisation, Societies and Education*, 2004;2:1:1-28. <https://doi.org/10.1080/1476772042000177069>
10. Mok KH. Promoting national identity through higher education and graduate employment: reality in the responses and implementation of government policy in China. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2018;40(6):583-597. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2018.1529127>
11. Дугина Г.А., Малых О.А. Исследование международной академической мобильности в Китае в контексте трудностей межкультурной адаптации. *Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология»*. 2021;2(56):8-22. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2021.56.2.01>
12. Ковба Д.М., Грибовод Е.Г. Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы». *Образование и наука*. 2019;21(10):9-31. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31>

References

1. Zakharov M.Yu. The social ideal of “Datong”: ancient China social utopia, or modern foresight project. *Vestnik Universiteta*. 2022;(1):164-168. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-164-168>. (In Russian).
2. Kobzev A.I. Kang Yu-wei. Spiritual Culture of China: Encyclopedia: in 5 vols. / *The Encyclopedia of Spiritual Culture of China: Encyclopedia: 5 vol. Philosophy* / ed. by M.L. Titarenko, A.I. Kobzev, A.E. Lukianov. Moscow: East Literature, 2006. P. 275-279. (In Russian).
3. Callahan, W (2004). The Next Big Idea: Great Harmony in Chinese Foreign Policy’ [in Chinese]. *Guoji wenti luntan [International Review]* (Shanghai) No. 36 (2004): 33-43 pp. (In Russian).
4. Kang O. Higher Education Reform in China Today. *Policy Futures in Education*. 2004;2(1):141-149. doi:10.2304/pfie.2004.2.1.4
5. Yang R. *Third Delight: The Internationalization of Higher Education in China*. Routledge; 2002.
6. Liu W. The Chinese definition of internationalisation in higher education. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2021;43(2):230-245. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2020.1777500>
7. Knight, J. (2003). Updated Definition of Internationalization. *International Higher Education*, (33). <https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391>
8. Liu H, Metcalfe A.S. Internationalizing Chinese higher education: a glonacal analysis of local layers and conditions. *High Educ*. 2016;71(3):399-413. <https://doi.org/10.1007/s10734-015-9912-8>
9. Jonas Stier (2004) Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism, *Globalisation, Societies and Education*, 2004;2:1:1-28, <https://doi.org/10.1080/1476772042000177069>
10. Mok KH. Promoting national identity through higher education and graduate employment: reality in the responses and implementation of government policy in China. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2018;40(6):583-597. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2018.1529127>
11. Dugina G.A., Malykh O.A. Study of International Academic Mobility in China in the Context of Difficulties of Intercultural Adaptation. *Vestnik MGPU. Seriya «Pedagogika i psikhologiya»*. 2021;2(56):8-22. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2021.56.2.01> (In Russian).
12. Kovba D.M., Gribovod E.G. International academic mobility through the prism of soft power theory. *The Education and science journal*. 2019;21(10):9-31. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31> (In Russian).